

Когда они уплывали от мумбаньо, вслед им полетел какой-то предмет. Он плюхнулся в воду в нескольких ярдах позади каноэ. Что-то светло-коричневое.

— Еще один мертвый младенец, — сообщил Фен.

К тому времени он уже разбил ее очки, так что она не знала, шутит он или нет.

Впереди, в темно-зеленой излучине, маячил просвет, туда и направлялась лодка. Нелл сосредоточилась на этом и больше не оборачивалась. Несколько местных жителей на берегу пели и били в гонг, но она не захотела напоследок взглянуть на них. Всякий раз, как гребцы — все стояли в полный рост, перекиваясь с приятелями и родственниками на берегу или в других каноэ, — разом мощно взмахивали веслами, легкий порыв ветра касался ее влажной кожи. Язвы саднили и чесались, словно торопясь зарости, пока им досталось хоть немного сухого воздуха. Ветер поднимался и стихал, поднимался и стихал. Между ощущением и его осознанием возникала пауза, и она понимала, что это начинается очередной

приступ. Гребцы прервались, чтобы стукнуть по змеиной голове черепахи, подцепить и втащить ее, отчаянно дергающуюся, в лодку. Фен промычал погребальную песнь черепахе, но так тихо, что расслышали только они двое.

У слияния Юата и Сепика* их ждал катер. На борту его, помимо капитана по имени Минтон, которого Фен знал еще по Кэрнсу, две белые пары. На женщинах узкие вечерние платья и шелковые чулки, мужчины в смокингах. Местные обитатели — судя по тому, что жара не доставляла им неудобств; мужчины либо заправляют делами на плантациях или рудниках, либо обеспечивают исполнение законов, защищающих их. Ну хотя бы не миссионеры. Сегодня она не выдержала бы миссионеров. У одной из женщин сияющие золотистые волосы, у другой — ресницы, как черные стрелки папоротника. У обеих — вышитые бисером клатчи. Нежная белизна их рук казалась ненастоящей. Хотелось дотронуться до той, что стояла ближе, задрать рукав платья и посмотреть, далеко ли тянется белый цвет, — как делали все туземцы повсюду, куда она приезжала впервые. Когда они с Феном поднялись на борт, со своими грязными узлами и малярийными глазами, во взглядах женщин мелькнуло сочувствие.

Мотор взревел так громко, страшно и внезапно, что она совсем по-детски зажала уши ладонями. Заметив, как Фен дернулся, чтобы повторить ее жест, но сдержался, она безотчетно улыбнулась, но ему не понравилось, что она видела его слабость, и он отошел в сторону поболтать с Минтоном. Она уселась на корме с женщинами.

* Сепик — самая большая река острова Новая Гвинея.

— А что за событие сегодня? — спросила она Тилли, золотоволосую. Будь у нее самой такие волосы, туземцы щупали бы их непрерывно. С такими волосами в поле нельзя.

Обе дамы сумели сквозь грохот двигателя слышать ее вопрос и расхохотались.

— Сегодня канун Рождества, дорогуша.

Обе уже были навеселе, хотя едва миновал полдень, и, конечно, к ней можно обращаться снисходительно, когда на ней замусоленная хлопковая рубаша поверх шаровар Фена. Кожа в ссадинах и мелких язвочках, на запястье свежий порез от шипа саговой пальмы, правое колено подкашивается, плечевой неврит — еще с Соломоновых островов — и вдобавок резкий зуд между пальцами ног, только бы не новый приступ грибковой инфекции. На берегу лагуны, во время работы, она спокойно терпела неудобства, но здесь, рядом с этими дамами в шелках и жемчугах, ей стало не по себе.

— Как ты думаешь, лейтенант Босуэлл придет? — спросила Тилли подругу.

— Она считает его неотразимым. — Вторая, Эва, была выше ростом, величава и без обручального кольца.

— Вовсе нет. Но тебе он тоже нравится, — возмутилась Тилли.

— Но *ты* замужняя женщина, дорогая.

— Нельзя ожидать от человека, что он прекратит замечать других людей ровно в ту минуту, как наденет обручальное кольцо.

— Я-то и не ожидаю. Но вот твой муж определенно именно так и думает.

Нелл мысленно записывала:

украшения на шее, запястьях, пальцах;

декоративная раскраска только на лице;

подчеркнуты губы (ярко-красным) и глаза (черным);

бедра тоже подчеркнуты — утянутой талией; беседа соперниц, напористая и агрессивная;

значимая ценность — мужчина, необязательно обладать им, но необходимо иметь возможность привлекать его внимание.

Она просто не могла удержаться.

— Вы изучали туземцев? — спросила Тилли.

— Нет, она явилась прямо с бала дебютанток в Плавучем дворце*. — У Эвы был выраженный австралийский акцент, точно как у Фена.

— Да, — сказала она. — С июля. В смысле, с прошлого июля.

— *Полтора года* где-то на крошечной речушке? — ужаснулась Тилли.

— Боже правый, — прокомментировала Эва.

— Первый год в горах на севере, у анапа, — уточнила Нелл. — А потом еще пять с половиной месяцев с мумбанью** в верховьях Юата. Мы довольно быстро оттуда уехали. Они мне не понравились.

— *Не понравились?* — вытаращила глаза Эва. — По мне, так вполне достаточно, что вам удалось сохранить голову на прежнем месте.

— Они каннибалы?

Ответить честно было бы неосмотрительно. Она же не знала, чем занимаются их мужчины.

— Нет. Они полностью понимают и строго соблюдают новые законы.

* *Floating Palais* — один из самых популярных танцевальных залов в Аделаиде в 1920-е гг. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** Названия племен (анапа, мумбанью и пр.), населяющих Новую Гвинею, в романе вымышленные.

— Эти законы не *новые*, — уточнила Эва. — Они приняты четыре года назад.

— Думаю, для древних племен все это в новинку. Но они подчиняются — и списывают все свои несчастья на то, что более не практикуют человекоубийство.

— Но они говорят об этом? — Тилли не отставала.

Интересно, почему все белые расспрашивают о каннибализме. Она вспомнила, как Фен, вернувшись с десятидневной охоты, неловко попытался скрыть от нее правду. “Я попробовал, — буркнул он в конце концов. — И да, они правы, похоже на старую свинину”. Среди мумбаньо ходила шутка, что миссионер на вкус напоминает старую свинью.

— Да, говорят, и они очень тоскуют без этого. И Тилли, и даже развязная Эва поежились.

А потом Тилли спросила:

— А вы читали книгу о Соломоновых островах?

— Ту, где все дети развратничают по кустам?

— Эва!

— Читала. — И, не сдержавшись, Нелл спросила: — Вам понравилось?

— Ну, не знаю, — протянула Тилли. — Я не поняла, из-за чего столько шуму.

— А что, был шум? — Нелл ничего не слыхала о том, как книгу приняли в Австралии.

— Вроде того.

Она хотела расспросить, от кого они узнали и что именно, но тут один из мужчин подошел с громадной бутылкой джина и стаканами.

— Ваш муж сказал, что вы не захотите выпить, — извинился он за отсутствие бокала для Нелл.

Фен стоял к ней спиной, но по его позе — чуть сторбился, приподнялся на носках — она могла